

СТАРЕЦ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ КАК УЧИТЕЛЬ АСКЕТИКИ (1722–1794 гг.)

Старец Паисий всю свою жизнь руководствовался подвижническим идеалом, ярко выраженным в святоотеческих писаниях, а потому вполне естественно, что именно подвижнический смысл жизни старался он внести в сознание монашеской братии своими беседами, поучениями и главным образом, примером.

Отречение от мира и от самого себя старец Паисий не ставил конечной самодовлеющей целью земной жизни; на все подвиги телесные он смотрел только как на средство духовного воспитания и самовоспитания и развития личности для высшей цели — спасения себя и ближнего. Вот почему он с такой силой и настойчивостью отдавался подвигу тайных борений и телесных трудов, возбуждая такое же стремление в других путем бесед и поучений.

Он опытно познал, что только напряженная непрестанная борьба духа с плотью и воли со страстями, только величайшее усилие над собой может выработать нравственную дисциплину, способную создать реальное противодействие злу. Он твердо верил в возможность победы человека над немощью своей природы и над злом греха. На примерах древних подвижников он старался проникнуть в тайны перехода грешной души к праведности, в тайны зарождения и роста человеческой святости. Этому вопросу и посвящен его труд «Крины сельные или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного Писания о заповедях Божиих и о святых добродетелях»¹, содержащий 45 аскетических поучений («слов»). В этих поучениях, кратких по форме, но глубоких по религиозно-нравственному содержанию, отчетливо и ясно изложены основы святоотеческой психологии. В этом отношении старец Паисий является предшественником писателей-аскетов XIX века², произведения которых являлись анализом таинственных путей, ведущих к возрождению человеческой природы очистительным действием благодати.

Идея сборника старца Паисия — руководство ко спасению с указанием условий, при которых человек может наследовать жизнь вечную.

Непременным условием для ищущего спасения старец Паисий ставит покаяние. Этому вопросу и посвящено его первое слово, написанное в плане увещания своей души восстать от сна греховного и приступить к покаянию, так как «Ныне... время святого покаяния; ныне — время хранить заповеди и добродетели исполнять... Если истинно хочешь спастись... живи как бы ежедневно умирая»³. Понимая под словом «ныне» не краткое время поста, а все течение земной жизни человека, старец напоминает, что оно дано для приготовления к будущей вечной жизни. Здесь, на земле, человек полагает начало своему спасению. Если он не посвятит всей своей временной жизни на исполнение заповедей Божиих, то он не спасется: «Смерть предстоит тебе; если подвизаешься, то вечною жизнью почтен будешь в будущем веке»⁴. Хотящим идти тесным, прискорбным путем подвигов духовных и телесных старец Паисий указывает на святых, напоминая, что и их плоть была также немощна, но «они... почли себя за мертвых, нещадно мучили себя в духовном подвиге»⁵. Зная немощь людей и их бессилие взять на себя тяжелые подвиги святых, старец Паисий увещевает всякого ревнующего о спасении на-

¹ 1-е изд., Одесса, 1905 г., 2-е изд., Одесса, 1910 г.

² Оптинский старец, епископ Петр, епископ Игнатий Брянчанинов, епископ Феофан Затворник.

³ Крины сельные или цветы прекрасные. Слово 1-е, стр. 2.

⁴ Там же, стр. 3.

⁵ Там же.

чать трудиться по силе своей: «со смирением в сердечной простоте послужи всякому; зазирая свою немощь и охудая себя, говори: „горе тебе, душа моя,... скаредная... ленивая, нерадивая, сонливая, жестокая; горе тебе!..“»⁶. Такое увещание души, по мнению старца, может привести ее к покаянию.

В следующем слове старец Паисий указывает, что наилучшим средством против уныния, лености и расслабления является размышление о смерти⁷. Согласно учению Святых Отцов, старец Паисий пишет, что постоянное памятование о смерти является могучим фактором в деле нравственного самоусовершенствования, открывая человеку все ничтожество земных благ и наслаждений, ничтожность временной славы, богатства и красоты, суетность всего того, что привлекает человека и что является предметом гордости и превозношения людей, не простирающих своих взоров далее здешнего бытия. Тем, кто поглощен мощным потоком земных попечений, старец напоминает, что «когда душа насильственно от тела разлучается, душа с плачем отходит, а тело земле предается, тогда надежда на суетное, прелесть, слава и наслаждение земным ни во что обращаются»⁸. Память о смерти старец полагал в основу жизни; мысль о ней и о воздаянии за гробом является сдерживающим началом, предохраняющим человека от суетных мыслей и возводящим душу его к мыслям о вечности. Старец рисует мрачную картину тления и призывает оставить заботы о временном и скоропреходящем, обогатиться добрыми делами, так как только они одни могут защитить человека, только они останутся при нем и пойдут за ним в жизнь вечную.

Жизнь богоугодная может быть только при воздействии благодати Божией на сердце человеческое: «Где благодать — источник жизни, там добрые дела от сердца истекают... ибо Святой Дух тогда действует внутри человека»⁹. Благодать Божия почивает только на том, кто соблюдает заповеди, кто отказался от всякого наслаждения, кто совершенно отверг самолюбие, «кто себя возненавидел в кратком сем веке ради Царства Небесного и бесконечной жизни»¹⁰, кто стяжал непоколебимую веру и несомненную надежду на Бога во всех своих скорбях.

Начало добродетелям полагает страх Божий¹¹. Добродетелями уничтожаются все душевные и телесные страсти и привлекается благодать Божия. Руководствуясь Св. Писанием и творениями Святых Отцов, старец Паисий во главу угла душеспасительного подвига ставит веру, как первую добродетель. Вторая добродетель — любовь, потому что она «обнимает и связывает воедино все добродетели»¹². Большую роль в деле нравственного совершенствования старец Паисий отводит посту и в числе христианских добродетелей ставит его на третье место.

Придерживаясь взгляда Святых Отцов, старец Паисий считает наилучшим средством питания хлеб с солью и воду, причем и этой скудной пищей рекомендует не насыщаться, а вставать от трапезы, испытывая некоторый голод. Старец не советует воздерживаться от еды по несколько дней, так как многие, приняв на себя такой подвиг, потом ослабевают и ищут покоя и сладких кушаний для укрепления тела. Чтобы тело было покорно духу, нужно держать его не в полной сытости, ибо «пост не может умертвить так страстей телесных, как умерщвляет скудная пища»¹³. Количество же пищи каждый должен устанавливать для себя такое, какое было бы достаточным для укрепления его сил. Ставя очень высоко подвиг поста, старец Паисий не налагает на

⁶ Там же, стр. 4.

⁷ Там же, Слово 2-е, стр. 4.

⁸ Там же, Слово 3-е, стр. 7.

⁹ Там же, Слово 4-е, стр. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, Слово 5-е, стр. 10–11.

¹² Там же, Слова 6-е и 7-е.

¹³ Там же, Слово 8-е, стр. 12.

ищущих спасения непосильного бремени и не требует от слабых и немощных строгого поста, как от здоровых, наоборот, он указывает, что нельзя установить для всех одного правила — «каждому мера и внутренний учитель — своя совесть», но тем не менее все должны соблюдать пост по силе своей, установив себе меру в количестве пищи. «Как дышать необходимо, — говорит он, — так и поститься. Пост, войдя в душу, убивает в глубине ее лежащий грех»¹⁴.

Четвертой добродетелью старец Паисий считает воздержание, называя его матерью и союзом всех добродетелей, так как воздержание от многоядения и от излишеств делает тело более способным для духовных ощущений; пресыщение же препятствует духовной жизни, потому что сытость клонит ко сну, возбуждает скверные помыслы, мешает совершать бдение.

Последнее имеет существенное значение в деле нравственного усовершенствования, так как «бдение с рассуждением очищает ум от рассеяния помыслов, делает его легким и вводит в молитву»¹⁵, без которой тщетны все усилия, ибо ей соподчинены все добродетели и приобретение их всецело зависит от нее.

Невозможно стяжать чистой, нерассеянной молитвы, поучает старец, если ей не будет предшествовать самоотверженная деятельность для стяжания перечисленных добродетелей, над приобретением которых человек должен ежедневно трудиться. При таком расположении всякое чуждое чувство или мысль, входящие в душу, отвергаются молитвой. Старец Паисий особенно рекомендует молитву Иисусову; этой молитвой человек приближается к ангельскому житию, ибо «молитва — источник всякому доброму делу и добродетелям и отгоняет от человека тьму страстей»¹⁶. Он увещевает трудиться над этой молитвой, говоря, что душа, приобретающая ее, прежде смерти будет равноангельской. Имя Иисусово самовластно действует в душе и как огонь пополяет терние, приносит человеку радость и веселие, испытывая которые, он соблазны этой жизни считает за сор и пепел¹⁷.

Молитва — дар Божий, подаваемый тому, кто ищет ее. Но он не дастся тем, кто не трудится над приобретением смирения, ибо смирение — это единственное состояние духа, чрез которое входят в человека все духовные дарования. Это дверь, открывающая сердце и делающая его способным к духовным ощущениям. Старец указывает, сколь велика его сила, говоря, что «смирение сердечное спасает человека старого, больного, нищего и необразованного; ради него прощаются все согрешения; оно от самой бездны греховной возводит человека. Без него не может укорениться в человеке духовная жизнь»¹⁸. Велика его сила, ибо оно удерживает человека от падения; им полагается начало добродетели безмолвия и молчания.

Под безмолвием старец Паисий подразумевает удаление от житейских попечений и молчание среди многолюдства. Мудрым мужем называет старец того, кто научился хранить безмолвие. Пребывание в безмолвии и смирении неминуемо приводит к нестяжательности. Нестяжательный монах не уязвляется ни тщеславием, ни сребролюбием, этим «львом рыкающим, который превращает кротость и смирение в гнев и злопамятство...»¹⁹.

Но все эти добродетели не приведут ревнующего о спасении к желаемой цели, если они будут совершаться без «рассуждения», ибо без наличия этой добродетели и добро может привести ко злу²⁰.

¹⁴ Там же, Слово 8-е, стр. 13–14.

¹⁵ Там же, Слово 10-е, стр. 15.

¹⁶ Там же, Слово 11-е, стр. 16.

¹⁷ Там же, Слово 12-е, стр. 16.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, Слово 14-е, стр. 17.

²⁰ Там же, Слово 15-е, стр. 17.

После этих добродетелей, к приобретению которых должен стремиться жаждущий духовного возрождения, старец Паисий перечисляет страсти и пагубные пороки, указывая, какая страсть от какой рождается.

Три страсти — забвение, гнев и неведение — предваряют всякий грех. Человек не совершит ни одного греха, если не властвует над ним ни одна из этих страстей, ибо и забвение, и гнев, и неведение располагают человека ко всякому злу, порождая в нем душевное нечувствие, — такое состояние, при котором ум — душевное око помрачается и пленяется всеми страстями. Если человек победит эти страсти, то и прочие ему покорятся.

«Из семи следующих страстей — самолюбия, сребролюбия, гордости с тщеславием, злопамятности, осуждения, самомнения, отчаяние — конец всем страстям. От сих страстей если кто не хранит себя и не отвержет их, тот погубит вышеуказанные десять добродетелей: веру, любовь, пост, воздержание, бдение, молитву, смирение со смиреноумудрием, безмолвие с молчаливостью, нестяжательность и рассуждение, и вместе повредит все остальные добродетели»²¹.

Анализируя вопрос о происхождении телесных страстей, старец Паисий отмечает, что похоть появляется от многоядения и безмерного сна, а также и от действия сатаны, или от осуждения, тщеславия, телесной красоты, праздных бесед и нехранения очей. Побеждается она только постом, воздержанием и слезной молитвой во время всенощного бдения. «Когда кто познает душевную и телесную силу изнеможения, то вскоре получит покой от страстей»²².

Чтобы труды над усовершенствованием своего внутреннего человека не оказались безрезультатными, старец Паисий советует каждый вечер давать себе отчет, как прошел день, а утром — как прошла ночь; такой контроль над собой дает возможность иметь ясное представление о том, на какой ступени находится ищущий спасения — в начале, середине или в конце: «Мы потому не приходим в совершенство и бедны благодатию, что не знаем, в чем начало, середина и совершенство добродетелям, от чего оскудение добродетели, что ко всякой добродетели примешивается порок тщеславия, который противодействует ей»²³.

Борьбу со страстями он рекомендует начинать с искоренения самолюбия, смиряя и осуждая себя во всем: и в помысле, и в деле, и в слове, и в пище, и в одежде; избирая себе все худшее, постоянно пребывая в покаянии; при такой душевной настроенности умолкают все страсти душевные, потому что «смирение никогда не падает, ибо ниже всех лежит»²⁴.

Страсти телесные подавляются удручением тела подвигами и скорбями. Однако они остаются во всей своей силе до тех пор, пока человек не начнет удерживать своего языка, этого «разорителя добра»²⁵. Только очищенная, умягченная скорбями и орошенная слезами покаяния почва сердца может приносить плод бесстрастия.

Приобретает подвижник бесстрастие не тотчас по очищении себя от страстей, а по вселении в него Духа Святого, Который облегчает ему все скорби и тяготы. До сошествия на него Святого Духа человек страдает, а потому и не может называться бесстрастным. «Бесстрастен тот, кто, страдая от бесов и от лукавых людей, не обращает на то внимания и не считает это за зло; как будто иной кто страдает; прославляемый он не превозносится и оскорбляемый — не гневается,... бесстрастие не есть одна какая-либо добродетель, но собирательное наименование всех их»²⁶.

²¹ Там же, Слово 16-е, стр. 19.

²² Там же, Слово 17-е, стр. 20.

²³ Там же, Слово 18-е, стр. 20.

²⁴ Там же, Слово 19-е, стр. 21.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, Слово 20-е, стр. 22.

Старец Паисий учит, что сердце, ум, душа и тело очищаются многотрудными подвигами поста и молитвы. «Начало чистоты — несогласие на грех помысла, а конец — умерщвление — мертвость ко греху тела. Нечистота сердца — блудная сласть и сердечное греховное разгорячение; нечистота же тела — падение на дело во грех... нечистота же души — различные душевные страсти, когда душа что-либо чрезмерно любит и услаждается тем»²⁷.

Старец Паисий предупреждает, что телесные труды только начало духовного пути, конец же его — сердечное трезвение, умное делание и настроение душевное.

Старец Паисий ставит своей задачей раскрыть от начала до конца весь ход внутренней борьбы, указать на многообразие возникающих преткновений и предупредить ревнующего о спасении, с какой стороны может быть нанесен разрушительный удар, направленный на все подъятые им душеспасительные подвиги, имеющие целью созидание жизни по духу, а не по плоти.

Человек не может видеть и не видит ничего духовного, когда ум его помрачается, когда он теряет способность рассуждения от многословия, суетливости, безмерной заботы, скорби и от других страстей. Как бы пеленой закрывается ими душевное око, зрение ума теряет свою остроту и человек уподобляется блуждающему во тьме, иногда только спотыкающемуся, а иногда и падающему. Человек, «имея потемненный ум, впадает в яму различных страстей, унывает, мечтает, предается многому сну и совершенно забывается, что идет путем вечной гибели»²⁸.

Перечислив гибельные последствия помрачения ума, старец указывает, что ум очищается от помрачения только молитвой Иисусовой, воздержанием, умеренным сном и действием Святого Духа. Только трезвенная, чистая и внимательная молитва, совершаемая со смирением, может отогнать тьму страстей, только она одна помогает подвижнику сопротивляться бесовскому на него нападению. «Как пост и молитва Иисусова служат очищением и крепостию трезвению и вниманию, так трезвение составляет достоинство, святость и опору молитве»²⁹.

Согласно учению Святых Отцов, старец Паисий призывает к постоянному творению Иисусовой молитвы: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». «Стоишь ли, сидишь ли, ешь ли, путешествуешь ли, другое ли что делаешь, — постоянно говори сию молитву, усердно понуждая себя к ней, ибо она поражает невидимых врагов как воин крепким копием»³⁰.

Молитва, долгое время произносимая вслух, приводит к молитве «умовой», а от «умовой» проистекает молитва сердечная. Произносить молитву нужно так, чтобы самому себя слышать. Во время молитвы ум не должен отвлекаться житейскими заботами, «ибо молитва есть не что иное, как отчуждение от видимого и невидимого мира»³¹. Он ссылается на Святых Отцов, говорящих: «если кто устами молится, об уме же небрежет, тот напрасно трудится, ибо Бог внимает уму, а не многоречию; умная молитва не допускает иметь в уме какое-либо мечтание или нечистую мысль»³². Кто привык молиться этой молитвой и кто никогда не оставляет ее, в том, даже тогда, когда тело его предается сну, дух никогда не спит. Старец Паисий учит, что во время неотложного дела, а также и тогда, когда помыслы бушуют молящегося, или сон одолевает его, он должен молиться устами и языком, чтобы ум внимал голосу; когда же ум находится в полной тишине, когда он далек от помыслов и не осаждается натиском забот и попечений, то можно молиться только умом. «Этот путь молитвенный — скорейший ко спасе-

²⁷ Там же, Слово 21-е, стр. 23–24.

²⁸ Там же, Слово 22-е, стр. 25.

²⁹ Там же, Слово 23-е, стр. 27.

³⁰ Там же, Слово 24-е, стр. 28.

³¹ Там же.

³² Там же.

нию, чем посредством псалмов, канонов и обычных молитв для грамотных. Что совершенный муж пред отроком, то сия молитва перед грамотословесием, то есть молитвою, искусственно писанною»³³.

Высоко ставя молитву Иисусову, старец Паисий предупреждает, что не каждый может приступать к умно-сердечной молитве. Она является достоянием лишь преуспевших в духовной жизни; для средних — пение и обычные церковные песнопения, а для новоначальных — послушание и труд. Такое подразделение он делает потому, что молитва эта требует трезвения, уединения, отрешения от всякой заботы и попечения. Такое состояние достигается большой работой над собой и оно не доступно ни средним, ни новоначальным. Ибо только тогда, когда улягутся смятенные помыслы, когда успокоятся тревожные чувства, человек сможет внимательно молиться в мирном настроении.

Призывая к подвигам телесным и к молитвенному духовному подвигу, старец Паисий стоит неуклонно на той точке зрения, что каждый всегда и во всем должен держаться своей меры. Невозможно стяжать чистой, нерассеянной молитвы, если ей не будет предшествовать самоотверженная деятельность. Пока сердце не очистится от всякого чувства, а ум — от всякого помысла, нужно и в молитве держаться своей меры, — меры еще невозрожденного благодатию Божией человека. Желających при молитве Иисусовой исполниться горячей любовью к Богу, жить подвижнически и работать одному Богу старец Паисий увещевает отсечь все земные пристрастия, суету мира сего и заботиться только о своей душе; во всякой же нужде возлагать упование на Бога, ибо нигде не сказано, чтобы уповающий на Бога был оставлен. Для того, чтобы ум всегда был занят Богом, необходимо приобрести три добродетели: любовь к Богу и к ближним, воздержание и молитву, «ибо любовь укрощает гнев, воздержание ослабляет похоть, а молитва отвлекает ум от помыслов и прогоняет собою всякую ненависть и высокоумие. Будь же постоянно занят Богом, ибо Бог всему научит тебя и откроет Святым Духом вышнее — небесное и нижнее — земное»³⁴.

Зная, как трудно человеку немощному и всегда волнуемому попечениями и всякого рода заботами сохранять неизменным богоугодное настроение души, старец Паисий останавливается на четырех добродетелях, способствующих неуклонному следованию принятому иноком направлению. Называет он их «связующими», потому что они являются как бы звеном, соединяющим их с прочими добродетелями. «Основание всем благам, — говорит он, — в следующем: сидеть в своей келлии, приобретать непрестанную молитву, воздерживать чрево и язык»³⁵.

Пребывание в келлии уничтожает поводы к совершению греха зрением, слухом и словом, а молитва отвлекает от всех помыслов. Воздержание в пище придает человеку бодрость и делает его более подвижным для совершения добродетелей: «Воздержник подобно орлу летает, не чувствуя плоти»³⁶. Начало же и основание безмолвной жизни — молитва, а помощники безмолвию — трезвение и алчба.

Неоднократно говоря о существенном значении душеспасительного подвига молитвы именем Иисуса, без которого тщетны все усилия человека в деле созидания своей внутренней жизни по духу Христову, старец Паисий предупреждает о вражеских нападениях, противоборствовать которым вынужден инок, во умилении сердечном и со слезами творящий молитву.

Наиболее действенным, разрушающим все козни вражды, является способ, испытанный Святыми Отцами, — заботиться только о нынешнем дне, заботу же о завтраш-

³³ Там же, Слово 24-е, стр. 29.

³⁴ Там же, Слово 26-е, стр. 31.

³⁵ Там же, Слово 27-е, стр. 32.

³⁶ Там же.

нем возлагать на Бога, предавая свою жизнь промыслу Божию: «Если же мы сами о себе заботимся, то Бог не заботится о нас». Не может возгореться в душе сердечная теплота и не может душа пребывать в умилении и страхе Божиим, если подвижник не отрешится от всех земных попечений, всецело возложив упование на Бога.

Многократно говорит старец Паисий о тленности всего временного, призывая иноков к заботе только о своей бессмертной и нетленной душе. На всякий час нужно ожидать кончины своей и пришествия Христова.

Чтобы не поддаваться вражеским внушениям, старец Паисий советует, согласно Апостолу: «непрестанно молитесь» (1 Фессал. 5, 17) и объясняет, что молиться можно и сидя, и лежа; в любом состоянии и в любое время всегда повторять: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Эту молитву должно произносить всегда, независимо от времени и места, ибо не в месте и времени, а в уме представляется Божество и на всяком месте владычество Его³⁷.

Сказав о святой сердечной теплоте, зарождающейся во время молитвы, старец указывает, что сохранить ее могут только трезвенная мысль и горячая ревность, которые устраняют лень, тяготу и расслабление. Поклоны, рукоделие и свежий воздух также способствуют поддержанию бодрости и противоборствуют унынию, дреманию и лени. Здоровым и крепким, а не немощным, старец советует становиться на молитву в прохладном месте, так как в теплом месте нападают дремота, сон и лень³⁸.

Старец очень подробно говорит о том, как противоборствовать сну. Помимо того, что сон есть потребность человеческой природы, он является еще и следствием объедения, мечтательности ума, молвы, смущения, скорби, бесовской зависти, уныния или чрезмерного пощения. Привычку к неумеренному сну старец относит к привычкам пагубным и советует инокам всячески противоборствовать ей: «Ничто так не помогает против сна, — пишет он, — как следующие четыре добродетели: воздержание, трезвение, молитва Иисусова и память смертная; эти добродетели называются бодрым и трезвым стражем»³⁹. Помимо соблюдения этих четырех добродетелей, старец Паисий указывает еще на целый ряд приемов, помогающих в борьбе со сном.

Чтобы своей молитвой не прогневать Бога, нужно произносить ее «не краем языка», а соединить воедино и тело, и душу, и ум. Инок должен стараться не о количестве молитв, а о том, чтобы со страхом Божиим, вниманием и умилением совершать их, как повелел ангел Господень Великому Пахомию. Бог не требует множества псалмов и молитвословий, а хочет, чтобы несмущенным умом предстоял Ему молящийся, так как «не все малое — мало, и не все великое — велико и совершенно»⁴⁰. В своих указаниях о том, как нужно совершать молитвенное правило, старец доходит до мельчайших подробностей, вплоть до указания как стоять⁴¹. Молящийся должен помнить, что он стоит пред Богом, Которому ангелы предстоят со страхом.

Умудренный большим духовным опытом, старец предвидит все случаи, которые могут отвлечь от молитвы внимание подвижника, живущего в одиночестве; и тут же он указывает и средства, как устранить преграды к достижению внимательной, нерассеянной молитвы. «Во время сильного вражеского смущения, когда душа страшится, должно псалмы и молитвы произносить вслух, или с молитвою соединять и рукоделие, чтобы ум внимал тому, что исполняет, и ничуть не обращать внимания на смущения и не бояться, ибо с нами пребывает Господь и ангел Господень не отступает от нас»⁴². Приступающий к молитве должен всегда быть готовым мужественно отражать брань бе-

³⁷ Там же, Слово 28-е, стр. 39.

³⁸ Там же, Слово 29-е, стр. 40.

³⁹ Там же, Слово 30-е, стр. 41.

⁴⁰ Там же, Слово 31-е, стр. 45.

⁴¹ Там же, стр. 46.

⁴² Там же, Слово 32-е, стр. 46.

совскую. Когда сам враг не может помешать добродетельной жизни ищущего спасения, он восстанавливает против него людей, делая их своим оружием. Терпеливое перенесение ради Царствия Небесного находящих скорбей доставляет победу над ухищрениями врага: «Если не можешь трудиться по-отечески, то, по крайней мере, по-отечески разумно терпи»⁴³.

Старец утверждал, что люди знают, как спастись, но по лености своей не прилагают к этому усилий. Прежде всего, каждый должен спасать самого себя; никто не будет отвечать за то, что не наставлял других, так как не всем это дано. Те же, кому дано, должны душу свою полагать за стадо свое. Великие иноки по смирению своему избегали начальничества, бежали от славы, не возлагали на себя тяжелого бремени учить других. Желаящих спастись старец Паисий наставляет никогда не противоречить и не оправдываться при нападках, а всегда и на все отвечать: «прости, благослови и помолись за меня грешного»⁴⁴. Эти слова являются всесильным оружием в борьбе с врагом.

Не убегать от скорбей должен ищущий спасения; не переходить с места на место и не откладывать начала подвига до какого-нибудь определенного времени, а твердо должен помнить, что не попустит Бог искушения свыше силы, а потому с благодарением Бога нужно мужественно «терпеть все скорбное в данном времени и месте, ибо, по слову Апостола, «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22)»⁴⁵.

Твердо веря, что ничего в жизни не бывает без промысла Божия, старец старается возбудить эту веру и в других, напоминая, что и скорби не бывают без промысла Божия, а потому нужно терпеливо переносить их, нисколько не заботясь об избавлении, так как это и есть тот тесный путь, который ведет в Царствие Небесное. Настоящая жизнь непостоянна: «иногда бывает для человека благополучие, некоторый почет, — к сему не прилагай сердца; иногда бывает гонение от людей, — тогда не печалься; иногда от бесов — скорби, нападения, страсти — тогда не скорби»⁴⁶, так как все это попускается Богом для нашего спасения.

Старец обнаруживает глубокое знание человеческой души, когда он говорит о невидимой брани и о том, как отсечь начало прилога и всякого помысла и похоти. Он дает чрезвычайно ценные указания, предупреждающие о встречающихся преткновениях и восстанавливающие вступившего на путь спасения при падениях и уклонениях. Старец особенно подчеркивает, что лукавый враг подмечает наши наклонности и, желая уловить подвижащегося в свои сети, прежде всего влагает в ум человека помысл и зорко наблюдает, будет ли он принят. Обладающий трезвенным умом отвращает свой ум от начального мысленного прилога и сразу же отсекает его, — тогда враг отступает; если же помысл принят, враг начинает развивать страсть. Он наводит на подвижника блудные и хульные помыслы, чтобы он оставил молитву и отчаялся.

Старание врага направлено на то, чтобы усыпить внимание трезвящегося, помрачить его ум, а затем ввергнуть его в любодееяние или в какую-либо другую страсть. Если эти козни не помогают, он начинает смущать его ложными привидениями, подвергает разным скорбям через людей, наводит на него различные болезни. Если и тут подвижник остается непоколебимым, враг старается побороть его высокоумием, тайно нашептывая ему, что он свят, что он претерпел уже много скорбей. Иногда на время враг прекращает свои нападения, отступает от подвижника, представляясь как бы побежденным. Но ищущий спасения до самого гроба не должен погашать своей ревности, ибо враг, заметив некоторое охлаждение в усердии, снова расставляет свои сети. Он не пре-

⁴³ Там же, Слово 33-е, стр. 48.

⁴⁴ Там же, стр. 50.

⁴⁵ Там же, Слово 34-е, стр. 51.

⁴⁶ Там же, стр. 52.

пятствует ни одной из добродетелей, если в основе ее лежат гордость, тщеславие и высокоумие. Он даже всячески понуждает к исполнению такой добродетели, так как в этом случае человек имеет только вид добродетельного человека. Все усилия врагов направлены на то, чтобы: «во-первых,... не было добра во всех видах добродетели; во-вторых,... чтобы не было добра ради Бога, то есть, не имея возможности отклонить от добра, они силятся чрез тщеславие погубить все наши труды; в-третьих, ублажают, как будто мы во всем оказываемся богоугодны, то есть, будучи не в силах опутать нас тщеславием, они стараются высокоумием погубить наши труды и лишить нас награды»⁴⁷.

В своей брани против человека враг применяет три приема: прежде всего он помрачает ум, в силу чего человек становится рассеянным и забывчивым; затем влагает праздный помысл, отнимающий много времени, и, наконец, наносит различные искушения и болезни. Многолетние труды подвижника могут быть разрушены в течение одного часа, если он ослабит внимание к себе. Тяжела борьба против невидимых врагов; побеждаются они сокрушением сердечным и смиренными помыслами, при содействии Божественной помощи.

Так как в человеке имеется начало (зародыш) всех страстей, то непременно условием в борьбе против них является прежде всего отсечение первоначального прилога каждой страсти. «Ищи в себе, — говорит старец Паисий, — причину всякой страсти и, найдя, вооружись и выкопай корень ее страдальческим мечом; если не искоренишь, опять пустит отростки и возрастет; без сего средства не можешь победить страсти, придти в чистоту и спастись»⁴⁸.

Старец учит, что, очевидно, бесовской брани или какой-либо другой упорной страсти человек подвергается по попущению Божию за гордость и высокоумие; за то, что считает себя святым, надеется на себя и превозносится над слабым. Попускается же это Богом, чтобы человек познал свое бессилие, познал бы, что без помощи Божией он ничего не может сделать, и смирился бы. Иногда Бог попускает нападение страстей за грехи, чтобы призвать к покаянию; или чтобы увенчать затем боримого и поборовшего.

Нерадение, леность, самолюбие, сластолюбие и зависть бесовская являются причиной страстей и овладения ими человеком.

Пройдя тяжелый путь борьбы без духовного руководителя, старец Паисий опытно познал все стороны отшельнической жизни и пришел к выводу, согласному с учением Святых Отцов, что не следует иноку уходить в безмолвие, не испытав и не изучив страстей. Особенно яростно нападают бесы на безмолвников, подвергая их искушениям в виде различных болезней. В своем безмолвии подвижник испытывает большие страдания, пока не посетит его благодать. Тогда страдание от болезней уменьшается; «тогда заграждаются в нас входы бесам и страстям»⁴⁹. Но тем не менее от подвижника требуется до самой последней минуты его жизни величайшая осторожность, чтобы по небрежности не сделать какой-либо оплошности, в результате которой благодать может от него отойти. Боязливым и страшась бесов старец Паисий советует быть мужественными; возложив все упование на Бога, всегда помнить, что бесы только устрашают и без попущения Бога ничего сделать не могут: «Не будем сами для себя врагами, думая о чем-либо неожиданном, но будем помышлять, что одесную нас Бог, и не подвижимся»⁵⁰. Старец указывает, что человека от нападения врагов может оградить: 1) алкание, 2) жажда, 3) молитва Иисусова, 4) крестное изображение, — кто правильно его

⁴⁷ Там же, Слово 35-е, стр. 57.

⁴⁸ Там же, стр. 58.

⁴⁹ Там же, Слово 36-е, стр. 62.

⁵⁰ Там же, Слово 37-е, стр. 63.

изображает, 5) частое причащение Пречистых Тайн Христовых, — кто достойно причащается, и 6) несомненная надежда на Бога⁵¹.

Раскрыв перед ревнующим о спасении весь путь восхождения к высшим ступеням христианского совершенства, путь, начинающийся с обращения грешника и после долгой и упорной борьбы со страстями приводящий к полному преданию себя воле Божией и всецелому возложению упования на Его милость, старец Паисий дает краткие избранные святоотеческие слова, вооружившись которыми подвижник будет всегда стоять на страже у входа в свою внутреннюю храмину, ограждая себя ими от вражиих нападков. Руководствуясь в своей жизни этими непогрешительными краткими поучениями Святых Отцов, внимающий себе не уклонится ни вправо, ни влево, а средним «царским» путем придет к блаженной вечности.

Зная немощь человеческую, зная его склонность впадать в отчаяние при различного рода искушениях, попускаемых Богом, старец Паисий, пользуясь поучениями Святых Отцов, побуждает ищущего спасения к терпеливому перенесению и голода, и болезни, и холода, и даже пролития крови; он призывает терпеть все во славу Божию, в надежде на милостивого Бога, чтобы иметь дерзновение сказать словами псалма: «приидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой». Старец указывает, что каждый, по силе своей, должен нести скорбь ради Бога: «вот воля Божия благая; ибо и малая скорбь ради Бога лучше великого дела без скорби»⁵². Если человек по немощи своей не может подвизаться, то пусть он потрудится над приобретением смирения, над молитвой Иисусовой и постоянно благодарит Бога за все.

Старец Паисий предупреждает ревнителя о спасении не быть грубым, так как грубое слово возбуждает гнев, уклоняться от споров, хотя бы и о добром деле, так как спор есть противоречие. Если нет в душе умиления, то это является верным признаком гордости или гнева на кого-нибудь, а также свидетельствует о многоядении, многоспании, рассеянности и излишних попечениях.

Он призывает священнослужителей быть особенно внимательными к себе во время совершения Божественной службы, так как они стоят вместе с ангелами на святом месте, где все исполнено страха и трепета. Поэтому служба должна совершаться без торопливости, ибо там, где спешат, не может быть умиления.

Старец Паисий увещевает приносить каждый день слезное покаяние в соделанных грехах и напоминает о блаженной участи мытаря, ударявшего себя в грудь и со слезами взывавшего: «Боже, милостив буди мне грешнику» (Лук. 18, 13), блудницы, омочившей слезами пречистые ноги Спасителя, и Манассии, слезами очистившегося от всех грехов. «Истинно думаю, — пишет старец, — что если бы возможно было омыть все тело свое слезами, то оно было бы нетленно. Однако, не заплачет человек, если не имеет болезненного труда, то есть сокрушения»⁵³. Сокрушение о грехах, умиление и ожидание воздаяния каждому по делам его, — вот добродетели, ради которых Дух Святой не отходит от человека и всегда пребывает с ним. Отходит Дух Святой от того, кто сам не радит о своем спасении; кто впал в великий грех и не старается избавиться от борющейся его страсти.

Многokrатно говорит старец Паисий о добродетели послушания. Он напоминает о необходимости зорко следить за своими привычками, особенно дурными, «ибо всякое доброе или худое дело через навык растет, обычаем (привычкой) укрепляется». Для определения, что представляет собою человек, каковы его обычаи и дела, старец Паисий

⁵¹ Там же, Слово 38-е, стр. 64.

⁵² Там же, Слово 39-е, стр. 64.

⁵³ Там же, стр. 66.

рекомендует прислушиваться к его разговорам, так как «ничего такого не высказывают уста, что прежде не было бы на сердце»⁵⁴.

Поучения старца Паисия, изложенные в его словах, относятся не к одним только инокам. В большей своей части они обязательны для всех истинных христиан, так как каждый должен стремиться к исполнению заповедей Христовых и к жизни по вере. Что же касается монашествующих, то к ним старец Паисий предъявляет более строгие требования: «Инок есть исполнитель заповедей Христовых, совершенный христианин, подражатель и соучастник страстей Христовых, повседневный мученик...»⁵⁵. Идеал истинного инока дан старцем в поучении на пострижение в монашеский чин (ч. 2). В словах аскетического сборника он также говорит, какими высокими качествами должен обладать инок. «Инок, — по его словам, — есть постоянное принуждение природы и непослабное охранение чувств. Инок есть чин и состояние бесплотных, хранимое в вещественном теле, во всякое время, на всяком месте и при всяком деле имеющее в виду божественное»⁵⁶. Достигнуть такой высоты нравственного совершенства может только тот инок, который положился на Бога, отбросив всякие заботы.

В этом же слове старец Паисий дает еще несколько кратких поучений, относящихся не только к инокам. «Человек, сомневающийся в Божией помощи, без искушения боится своей тени. Каждому человеку его собственная совесть да будет учителем и свидетелем. Во всяком деле, не обсудивши наперед каждое слово, не говори. Каждое поспешное дело не бывает хорошо»⁵⁷.

Так как от помрачения ума происходит падение во грех, то старец Паисий указывает, что «трезвый ум должно поставить добрым стражем души своей, чтобы он не допускал чувств до худого». Вот почему он и обращается к инокам: «Инок, трезвься умом, трезвься; найди себе место плачевное и совсем не нужное людям... и удаленное от мира... и если и пожелаешь какого-либо мирского дела, но не имея возможности к нему, благодаря удалению, не впадеши в него. В пустыне одним удалением от мира человек избавлен бывает от страстей»⁵⁸.

Опытно познав сложность духовной жизни, всматриваясь в ее неисследимые глубины, старец Паисий старается разъяснить вопрос, часто возникающий у человека, стремящегося к Богоугождению, когда он, предпринимая какое-либо дело, задумывается, — Божия ли то воля или вражеское искушение? Старец Паисий дает такой ответ: «Божие благоволение во всех наших намерениях кротко, благонадежно и несомненно». Вражий же прилог всегда смущает ум (по-видимому, и в добром начинании), отгоняет страх Божий, лишает спокойствия; ум колеблется, а сердце болит без всякой причины. «Вражье возмутительно, беспокойно и сомнительно для ума во всех наших намерениях». Когда ум обуреваем помыслами, внушаемыми врагами, омрачен и не видит истины, тогда нужно оставить все мысли и рассуждения до того времени, пока ум не очистится молитвой. «Посему, — говорит старец, — желающий узнать истину, пусть побуждает себя долгое время на горячую молитву и на желаемое дело; во время молитвы не может враг скрыть истины, так как тогда он не имеет власти; на деле можешь испытать истинность такой веры».

Поставив веру во главу угла дела спасения человека, указав на нее как на первую добродетель, к приобретению которой должен стремиться истинный христианин, старец Паисий в конце сборника в кратких словах поясняет, что значит вера несомненная. Человек, совершая свой жизненный путь под знаменем веры, несомненно верующий в

⁵⁴ Там же, стр. 66

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, Слово 40-е, стр. 67.

⁵⁷ Там же, Слово 41-е, стр. 68.

⁵⁸ Там же, стр. 70.

промысл Божий, «положившийся на Бога во всех нуждах своих ради Царствия Небесного и умерший для мира, потом уже не заботится о том, как скончаться». Положившись на Бога, он уже не думает о себе, так как знает, что, предав себя на все скорби ради Бога, он сможет улучшить спасение на всяком месте, где бы он ни находился, «по вере нашей и благодать Божия дается нам; мала вера, мало дается; больше веруем, большой благодати сподобляемся за терпение»⁵⁹, по словам Господа Иисуса Христа: «претерпевый до конца спасется».

Заканчивает свой сборник старец Паисий увещанием любить Бога от всей души и от всего сердца и перечисляет добродетели, о которых он говорил ранее и к приобретению которых должен стремиться каждый христианин. Стяжав их, «будешь за все это, — пишет старец Паисий, — чадо Евангелия, сын воскресения, наследник жизни во Христе Иисусе, Господе нашем»⁶⁰.

Последнее, 45-е, слово написано в форме стихотворения, в котором старец Паисий, согласно названию сборника, уподобляет изречения Святых Отцов лилиям и прекрасным цветам и призывает собирать их для созидания богоугодной жизни. «Днесь крины и прекрасные цветы, о любимцы, собирайте, — пишет он, — и всеблагое о Господе Боже житие составляйте»⁶¹. Под словом «днесь» старец Паисий, конечно, подразумевает нынешнюю земную жизнь, данную человеку для приготовления к будущей блаженной вечности.

В следующих словах старца высказана и задача, которую он ставил перед собой при составлении этого краткого сборника: «От написанных же родственников и ближних поучайте: дела сия творите; сих бо ради вечных благ улучите...»⁶².

Таким образом, цель написания сборника: с одной стороны, воскресить учение Святых Отцов о путях ко спасению, а с другой — распространить его среди более широкого круга верующих. Изложенное в краткой и понятной форме, оно становится всем доступным.

Сборник «Крины сельные» — это не набор изречений и выписок из случайно попавшихся святоотеческих сочинений, но систематически составленный литературный труд — сжатый свод мнений Святых Отцов о внутреннем подвижничестве. Мысли, рассеянные в их творениях, старец Паисий свел в одно стройное целое и для удобнейшего руководства предложил их в возможно сжатом виде.

Влить в ум и сердце не только иноков, но и каждого православного христианина, обновляющие и возрождающие идеи Святых Отцов, — вот та цель, которую преследовал старец Паисий, вот к чему направлялись его усилия и заботы.

Журнал Московской Патриархии 1956 г., №10, стр. 44–55

⁵⁹ Там же, Слово 42-е, стр. 71.

⁶⁰ Там же, Слово 43-е, стр. 71–72.

⁶¹ Там же, Слово 44-е, стр. 72.

⁶² Там же, Слово 45-е, стр. 73.